

За пару дней до выпускного, в четверг, нас предпоследний раз собрали в бане. Вообще-то это приземистое серое здание барачного типа уже давно не использовалось для помывочных дел, в нем располагалась школа рабочей молодежи, но между собой мы называли этот конструктивизм двадцатых годов баней. Да, собрались здесь предпоследний раз, чтобы обсудить организационные вопросы грядущего торжественного субботнего дня и вечера, когда соберемся здесь уже в последний раз — на вручение аттестатов об окончании средней школы и на выпускной вечер. А вопросы были серьезные: договориться о времени начала официальной части, мы же были молодежью рабочей, собрать деньги-взносы на праздничный банкет, а еще надо было

освободить от столов, стульев, шкафов самый большой класс. В этом классе должно было происходить долгожданное действие.

Шла вторая половина июня, буйствовало солнце, буйствовала зелень, не ведая об убийственном зное позднего лета, и мы буйствовали, не веря, что на солнце есть пятна, не очень-то задумываясь о возможных трудностях впереди. Вопрос о смысле жизни, на который недавно отвечали на экзаменах по литературе, казался надуманным, не имеющим к нам, восемнадцатилетним, совершенно никакого отношения. Пьеры, Андреи, не говоря уже о полусумасшедших Родионах, виделись персонажами паноптикумов, а мир представлял абсолютно понятным, исключительно светлым.

В минуты без учительского пригляда мы толкались, хохотали по поводу и без повода, в общем-то целомудренно обнимали девчонок, которые отбивались, но — понарошку.

— Да, друзья, — сказал Трофимыч, директор школы, помогая нам выносить в коридор, а по-нашему — в предбанник, что-то из мебели, — кто желает, может пригласить на наш бал невесту или жениха. Только, извините, взнос удваивается.

Желающих нашлось немало к явному неудовольствию тех, кому некого было пригласить. В числе последних был и я: с подружкой своей не так давно рассорился, а другой, новой, еще не обзавелся. Но самое обидное было то, что Нелька, которая уже второй месяц мне нравилась, с радостью внесла денежку за какого-то парня. По этой причине домой с оргсобрания я шел с подпорченным настроением: она же знала, не могла не догадываться, что нравится мне.

До желанной субботы надо было пережить пятницу. Известно, что лучшее времяпрепровождение — это кино. Жизнь нашего захолустного городка тогда немало оживлял новый кинотеатр, не простой, широкоформатный. Уже одно только название — «Космос» — волновало и зазывало. Туда я и направился в пятницу после работы. Да и в любом случае нельзя было пропустить романтический французский фильм: все только и говорили об «Анжелике — маркизе ангелов». Идти до «Космоса» было не близко. Надо сказать, что наш городишко делится на две части: на северную, культурную, с библиотекой, спортзалом, Домом культуры, и даже с кафе, а теперь еще и с кинотеатром, и на обиженную достопримечательностями часть южную, где я жил и работал на допотопной бумажной фабрике. У нас даже шутка бытовала: «Мы южные, никому не нужные». Две части разделяла достаточно густая лесополоса, шириной в пару километров, а соединяла неглубокая речка. Из одной части города в другую вело окружное асфальтированное шоссе и пара узких проселочных дорожек, одна, самая короткая, шла параллельно речке. Собственно, не дорожка, а тропинка, тропа. Шоссе представляло собой очень изогнутый лук, тропа — натянутую тетиву этого лука.

Правда, этой короткой, вдольречной тропой местные ходили редко, и на то были причины. Она пользовалась дурной славой, поддерживаемой, конечно же, завиральными легендами старины глубокой. «Место нечисто», — отмахивались жители, старушки при этом еще и крестились. В расхожих легендах утверждалось, что на этой тропе, особенно в темное ночное время, можно запросто встретить нечистую силу, оборотней, хнычущих, хохочущих, ползающих, летающих, непонятно на что похожих. Из поколения в поколения передава-

лись слухи, что оборотни эти здесь много зла натворили: кого-то в речке утопили, кого-то до полусмерти истрепавали, кого-то защекали, кого-то сна-покая лишили, на кого-то порчу навели. Все жертвы были из местных, и здравствовавшие тети Параша с удовольствием рассказывали о наваждениях и бедах, случившихся с деверьями и свояченицами их дедов и прадедов.

Народ верил и не верил, но тропинкой этой, в большинстве своем если и пользовался, то днем. И то сказать, даже в светлую пору идти по ней было как-то жутковато. С одной стороны ее сопровождал густой смешанный лес, с другой — высоченные заросли ивняка и ольховника с редкими пролысинами, открывавшими вид на смирную, неглубокую речку, на ее противоположный берег. Даже в засушливое время там было сыро, вязко, затхло. Лес рос на взгорье, и из него в речку там и тут текли маленькие ручейки почему-то ржавой воды. Лесины и кусты почти смыкались в вышине, и солнечные лучи не везде проникали в это коридорное пространство.

Я, естественно, этим сказкам не верил, и в тот летний день, как и в другие дни, когда надо было пройти в северную часть города, шел этим самым коротким путем. Пользовался ли им ночью? Кажется, не произошло.

На подходе к кинотеатру я догнал ярко-красное платье, перетянутое широким черным поясом и увенчанное черной, скорее мужской, соломенной шляпой. Потом это платье пропало, и вновь я увидел его уже в очереди к билетной кассе. Какого-то особого интереса платье не вызвало: ну платье, ну алого цвета... Любопытство возникло, когда оно оказалось в соседнем кресле. Владелицей яркого облачения оказалась миловидная юная брюнетка небольшого роста. Что было в ней примечательного на первый взгляд? Пожалуй, глаза. Они выделялись на бледноватом лице, черные, крупные, даже немного на выкате. В те пять-десять минут до начала сеанса я вряд ли решился бы обозначить возникшее желание познакомиться, если бы не заметил, что брюнетка раз-другой окинула меня внимательным взглядом.

— Мы знакомы? — спросил я ее, сам не ожидая от себя такой решительной прыти.

— Возможно, — ответила девушка и улыбнулась.

— А как вас зову?

— Таня.

— А меня Александр, Саша.

Завязался не очень оживленный разговор о любимых фильмах и ни о чем. До начала сеанса я понял, что девушка мне определенно нравится. Что было потом? Потом кинозал внимал перипетиям приключенческого сюжета, я же делил внимание к экрану с вниманием к

своей соседке, украдкой. Скоро мне показалось, что кино не очень-то занимает Таню, ее взгляд скользил от экрана вверх, вниз, несколько раз наши взгляды встретились. Я взял ее за руку, снова удивляясь своей смелости, она не стала противиться, слегка ответила на мое пожатие. Кондиционеров наша провинция тогда еще не знала, в зале было душно, но, помнится, сухая маленькая ладонь была удивительно холодной.

После окончания сеанса я вызвался проводить девушку до дома, и она ответила согласием. Мы гуляли по центральным улицам, потом по окраинным, длина которых измерялась двадцатью минутами неспешного хода, вышли за город. Июньская ночь, наполненная запахами цветущих трав и укрытая куполом звездного неба, была фантастически хороша.

Не сговариваясь, мы скоро перешли на «ты». Я сказал Тане, что еду поступать в Ленинградский технологический институт. Она тоже в этом году окончила школу, обычную, дневную, и собиралась поступать в какой-то химический институт в Москве. Говорил я о друзьях, о работе, о книгах, Таня больше молчала, коротко отвечая на случавшиеся вопросы, однако мое расположение к ней росло и росло, Таня мне нравилась все больше и больше. Где-то мы сели на случайную скамейку, я не смог сдержать свои чувства, обнял девушку, притянул к себе, и мы слились в долгим поцелуе. Голова закружилась, куда-то ушло ощущение времени, и трудно сказать, сколько бы это продолжалось, если бы вдруг за спиной — близко, резко, громко — не прокричала какая-то ночная птица. От неожиданности я вздрогнул, открыл глаза и, кажется, снова слегка вздрогнул, увидев совсем близко широко открытые глаза девушки, большие, выразительные. Я почувствовал какое-то волнение, но совсем не похожее на то, которое подтолкнуло меня к поцелую. Нет, я не разочаровался в ней, но что-то смутило меня, не знаю, может, какое-то предчувствие.

— Пора, — сказала Таня.

Она взяла меня под руку и повела, как я понял, к своему дому. По пути я не вдруг сказал ей:

— Слушай, Таня, завтра у нас в школе выпускной, разрешается приглашать знакомых. Можно я тебя пригласу? Будет весело, будут танцы.

Она легко согласилась, и я предложил зайти за ней за час до начала праздника.

Она решительно возразила:

— Нет, нет, зачем тебе сюда, далеко, я приеду на автобусе, а ты меня встретишь.

— Хорошо, — согласился я.

К ее дому, улочками, переулками, мы шли довольно долго. Я знал этот район, но не очень хорошо. Наконец подошли к дому, частному, шлакналивному,

выкрашенному белой краской, в окружении плодовых деревьев. Я еще раз обнял девушку, скользнул губами по щеке, нагнул ее губы. Почему-то было интересно, закроет она глаза — нет? Глаза ее оставались открытыми. Мы простились до завтра.

Выпускной удался. Учителя говорили напутственные слова, уверяли, что нам открыты все пути-дороги, что нас, несомненно, ждет светлое будущее, что оно только в наших руках. Официальная часть закончилась вручением аттестатов. Вручили и тут же забрали:

— Застолье, вот выпьете лишку и потеряете, в сейфе они сохраннее будут, потом за ними зайдете.

Лишку, пожалуй, никто не выпил, но было и шумно, и весело. До начала праздника меня немного волновало ревностное любопытство: кого же пригласила Нелька? Но, увидев ее выбор, все волнения улеглись: мой выбор был существенно привлекательнее. Таня, в платье из тонкой белой материи, украшенной невиданными черными цветами, в туфлях на высоких каблуках была вряд ли не красивее всех. Хотя, может, это мне так только казалось. Нет, все-таки не казалось. Вокруг нас всегда был круг, одноклассники явно соревновались в остроумии, девчонки, не имевшие пар, снисходительно хмыкали, а одноклассник Юрка, раз, другой, третий, приглашал мою новую знакомую танцевать, просто отрывал ее от меня, кивая, мол, ты же не против? И как я мог возразить? Улыбался в ответ, мол, танцуй, мне не жалко. Ревновал, конечно.

Расходились, когда ночь сдавала свои позиции утру: было еще темно, но на востоке уже алела полоска зари. Ночью наш городок почти не освещался. Фонари были только у знаковых зданий: у дирекции фабрики, у отделения милиции. У школы горел фонарь, но когда мы вышли за пределы его возможностей, нас обступила кромешная тьма. Было на редкость тепло, даже душно, никакого намека на ветерок. Из палисадников частных домиков доносились пряные цветочные запахи. А еще было тихо, так тихо, как бывает только на исходе ночи, и собаки, которых в округе было множество, молчали, как видно, утомленные трудной ночной вахтой. И мы шли молча, в уме я подбирал подходящую для беседы тему, но никак не мог подобрать.

Так, не завязав разговора, мы вышли к месту, где надо было определяться, какой дорогой идти в северную, где жила Таня, часть города. Взяв девушку за руку, я повернул в направлении шоссе, большака, как называли его местные.

— Почему? — спросила Таня. — Разве мы не пойдем самым коротким путем?

Я смутился. Меня удивило то, что она, девочка-«сервянка», как я представлял, не бывавшая на наших «югах», знает об этой тропинке. И еще подумалось: из-

вестны ли ей местные предания об этом пути? Трудно сказать, боялся ли я чего, но идти темной сырой низиной мне не хотелось. Понятно, посвятить Таню в эти предания было равносильно признанию в собственной трусости, вело к падению в ее глазах. Это исключалось. А она, как я понял, и не допускала вариантов.

— Но твои каблукы, — начал было я...

— Идем, идем, — негромко, но твердо сказала Таня и потянула меня в направлении леса.

На тропе было еще темнее, чем на улицах. В паре метров можно было потерять друг друга, и, чтобы этого не случилось, я деликатно обнял девушку за талию. Идти, взявшись за руки, по этому узкому проспекту было неудобно. «Ну вот, — подумалось, — хотя бы что-то приятное извлекается из этой ситуации». Шли медленно, да и нельзя было иначе. Говорили о прошедшем вечере, я рассказывал о тех, с кем она сегодня познакомилась. Не сказать, что Таня было заинтересованной собеседницей, просто я считал необходимостью поддерживать беседу, что-то говорить. Постепенно сумерки рассеивались, там, где кусты и деревья отступали от тропинки, уже можно было рассмотреть очертания отдельно стоящих деревьев. Зачирикали какие-то пичужки, удивительное, притягательное зрелище представляла река, когда ее было видно в разрядке кустарника. Она курилась, ее поверхность была покрыта полуметровой туманной толщей, напоминающей вату, паробразное одеяло. Слои-завитки толщи были подвижны, но не поднимались вверх, граница с воздухом выше была четкой, совсем не рваной.

До того места, где тропинка выходила к шоссе, было уже недалеко, менее километра, когда я на выдохе решил, что мы без приключений миновали... Кажется, я не успел и мысленно проговорить эту победную реляцию, когда случилось это.

Мой слух уловил плач, где-то далеко кто-то плакал. Показалось, ребенок. Я остановился, обратился к своей спутнице.

— Слышишь?

— Что?

— Кто-то плачет.

— Нет, не слышу, — ответила она помедлив.

Мы остановились, плач стал громче.

— И сейчас не слышишь?

— Нет.

Постепенно стало понятно, с какой стороны доносились звуки — со стороны реки. Слева, в стороне леса, было темно, справа — светлее: на береговой полосе в этом месте, метров пять-десять, совсем не было кустарника, просматривалась и курящаяся надводная поверхность, и даже противоположный, метрах в двадцати-тридцати, берег. Плач, временами переходящий

в скучающий вой, не был громким, но слышался вполне отчетливо.

— И сейчас не слышишь? — спросил я.

— Нет, — был ответ Тани.

Она стояла вполне спокойная, кажется, пожимая плечами на мои будто бы странные вопрошания.

И тут, примерно на середине реки, я увидел нечто, будто вросшее в покрывавшую поверхность реки туманную белизну или вырастающее из нее и воспроизводящее этот подвывающий плач. Приглядевшись, я заметил, что оно, это нечто, двигалось. Шевеления каких-то членов не было, но оно двигалось к нашему берегу, в нашу сторону, сомнений не было — к нам. Описать увиденное трудно или даже невозможно. Очевидно, это явление обладало плотностью, поскольку оставило след, отбрасывало влево, вправо небольшие клочки тумана.

— Видишь? — спросил я девушку.

Она внимательно посмотрела на меня, но ничего не ответила. Издавая те же звуки, оно приближалось.

— Уходи, иди вперед, — сказал я Тане.

Она послушалась, я остался ждать, интуитивно понимая, что мне надо остаться. Было ли мне страшно? Нет. Я вполне владел собой, достаточно ясно осознавал происходящее. Мне было жутко. Шевелился ли волос на голове? Возможно. Жутко — это не более высокая степень «страшно». Страх можно преодолеть, он может мобилизовать, заставить искать выход из самого безвыходного положения. Ужас — другое, это реакция на явление метафизического порядка, сопротивление исключается полным осознанием его бесполезности: от тебя ничего не зависит.

Оно подошло ко мне на расстоянии вытянутой руки. Рост — метра полтора или меньше, туловище, голова, маленькие ручки и ножки без конечностей, оно было похоже на поделку из старой темной соломы. Родовая принадлежность — вне определения. Наш разговор длился недолго. Я по-прежнему слышал плач, но в нем стали различаться слова, вопросы. Вопросов было три, очень простые, даже никчемные, на все три вопроса я ответил искренним «не знаю». Оно, как мне показалось, было вполне удовлетворено моими ответами. После некоторой паузы оно посоветовало мне никогда никому не говорить, чего касались эти вопросы, а затем, не поворачиваясь ко мне спиной, уже не плача, стало удаляться в сторону реки. Постояв немного, очевидно, для приличия, я поспешил догонять Таню.

Она ушла недалеко.

— Ты видела? — спросил я девушку, поравнявшись с ней.

Она неопределенно пожала плечами.

— Так ты видела? Видела? — спросил я, уже повысив голос.

— Да! — почти прокричала она в ответ.

— Что это было? — спросил я, в общем-то, понимая, что вразумительного ответа ожидать не следует.

— Не знаю, — уже тихо ответила девушка, и я понял, что дальнейшее обсуждение произошедшего нежелательно.

Быстро, как бывает в июне, рассвело, и к Таниному дому мы подошли, когда солнце стояло уже выше крыши. Молча постояли у калитки, что-то мешало нам глядеть друг на друга. На прощание я слегка обнял ее, коснулся щекой ее щеки.

— До свиданья, спасибо, что пришла на мой праздник. — Добавил неуверенно: — Мы же еще встретимся?

— Конечно, — так же неуверенно ответила она, — спасибо, что пригласил.

Таня ступила за калитку, я пошел домой. Оставшись один, я почувствовал сильнейшую усталость, хотелось лечь на какую-то лавочку и провалиться в сон. Навалившейся усталостью я объяснил то, что немного поплутал в этих маленьких окраинных улочках, каждая из них было копией другой.

Вернувшись домой, я проспал целые сутки. Проснувшись, я выслушал нравоучительное слово мамы о вреде чрезмерного употребления алкоголя. Оказывается, во сне я много разговаривал, кричал, чего вообще-то за мной не замечалось. Оправдываться было бесполезно, промолчал, к тому же другие мысли одолевали толкотней в голове. Делиться с кем-то пережитым желанием не было. Не сомневался, что в ответ получил бы предположение, что до чертиков «перебрал» на выпускном. Завел окольный разговор с бабушкой о таких делах и услышал неожиданное:

— Ох, милый, такое случается или к худу, или к добру.

Прошла неделя, и мне захотелось встретиться с Таней. Трудно сказать, что больше влекло к ней — испытываемые чувства или необходимость все же услышать ее мнение: что это было? В субботу я снова принарядился, основательно сдобрил себя одеколоном и пошел на необъявленное свидание. Должен признаться, пошел не той тропинкой, а по шоссе.

Я был уверен, что легко найду дом, до которого дважды провожал девушку. Заранее написал записку с предложением встретиться следующим днем на вечернем сеансе в «Космосе» на тот случай, если не застану ее дома. Записку предполагал передать через домашних или куда-то на крыльце подсунуть. Уверенно миновал центр, вышел к окраинным улицам, переулкам. Прошел по одной улице — узнаваемого дома

не нашел, по другой, по третьей, четвертой, пятой. Дома, образовавшие улицы, поражали однообразием, вокруг них были разбиты похожие сады и садики. Ни один из домов не показался мне «тем самым». Все улицы до наступления сумерек я проутюжил по нескольку раз, старушки на лавочках стали смотреть на меня с подозрением. На другой день, взяв у приятеля велосипед, я продолжил свои поиски, но — снова безрезультатно.

До меня вдруг дошло: по существу, я ничего не знал об этой девушке — ни фамилии, ни школы, в которой она училась, а их в северной части города было три. Она ровным счетом ничего не рассказала мне о своей семье, о своих друзьях, где бывает, чем увлекается. Неделью-другую я, правда, без большой надежды, ждал, не выйдет ли Таня сама на связь со мной. Она знала обо мне гораздо больше, чем я о ней. Но нет, меня никто не искал. Я описывал ее внешность приятелям, жившим в северной стороне, и снова безрезультатно: и они не помогли мне найти симпатичную брюнетку, носившую ярко-красное, алое платье.

С Таней я больше не виделся, не общался, но никогда не забывал ее, потому что незабываема была та июньская ночь, перевернувшая все мои материалистические мировоззренческие представления. Правда, перевернула не сразу: чтобы осознать случившееся, должны были пройти годы. Надо ли говорить, что я последовал совету соломенного оно и никому никогда не открыл, чего касались заданные мне вопросы. Иногда размышляю, к добру или к худу это все случилось? Склоняюсь, что к добру.

